

ВЗГЛЯД

Шрапнель
в роддоме

В ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ уходящего года россияне сжимали руки – от злости. И ноги – от терпения. В 23.58 Белоруссия и Россия наконец-то подписали соглашение по газу. (Оказывается, они покупали его у нас просто по дешевке!) Руки разжались.

Но ноги мы еще сжимали три минуты. Поскольку только после двенадцатого удара второй родившийся ребенок приносит семье доход размером в 250000 рублей. Хотели как лучше. И получилось... По некоторым данным, 1 января в стране родилось примерно в пять раз больше детей, чем 31 декабря. Конечно, многие цифры подогнаны, несмотря на строгий контроль. Но ведь были и те, кто всеми своими силами тормозил природный процесс. Представьте, сколько вод отошло напрасно? Сколько ртов умоляло младенцев посидеть еще чуть-чуть?

Я отказалась заранее ложиться в роддом, – призналась одна счастливая мама, чей ребенок дождался своей четверти миллиона. – Приехала в новогоднюю ночь, когда воды уже отошли. Если бы приехала раньше, меня бы «протимулировали» – врачи не любят этот долгий безводный период...

Многие роженицы исключили из рациона продукты, которые могли бы стимулировать роды: кофе, чай, шоколад. Говорят, что некоторые применяли и гормональные препараты, что для беременных крайне опасно. «Есть способы, чтобы затянуть процесс, – объясняет акушерка. – Это холод и голод. Ребенок ждет комфортных условий для появления на свет, и тут можно его немного дезориентировать. С ребенком можно поговорить, объяснить...»

Господи, что объяснить, что идет война и пока не время? Это даже не по имиджу удар. По сердцу.

Однажды я на встрече фронтовиков философствовал с военным хирургом. И он, видимо, в хмельном задоре сказал: «Мы что – просто резали, сшивали, штопали. Ты поговори с Женюшкой (кивок в сторону звонкой женщины, отбивающейся от обгорелых рук танкистов), она сиделкой была. Она их вытаскивала. Волшебник. А мы – просто материалисты».

Женюшка действительно вытаскивала солдат почти с того света. После операции многие находились на нейтральной полосе – вроде уже не живы. Но еще не мертвы. Вот к таким и запускали Женюшку. Она сутками держала их за руку, смеялась, шептала, орала, плакала. «Уходят ведь те, кого не ждут. Здесь, – объяснила свою систему, – А я – ждала».

И они возвращались.

– Вы можете так же поддержать мою руку? – попросил я.

– Господь с тобой. Ты же здесь. А я там. Так и осталась. – Она тихо улыбнулась.

Ну, что я вспомнил эту Женюшку, умеющую ждать? Наверно, задело, что для задержки родов надо было показать ребенку, что его здесь не ждут. Абсурд какой-то – в то время, когда была война, бомбы, шрапнель, никакой антисептики, а человека ждали! А 31 декабря 2006 года их не ждали... Мол, бабки еще не капнули, затаись пока.

Как легко и просто можно было бы решить эту проблему. Самый простой и, может быть, наивный способ – предоставить материнский капитал всем со дня публикации закона. Сколько бы приобрили. И ничего не потеряли.

Ну, кто-то бы всего разок не послушал музыку в компании умных и красивых женщин...

АКРАМ МУРТАЗАЕВ,
«Деловой вторник».

Год русского языка «Коммерсантъ» открыл
нецензурной браньюЖУРНАЛИСТИКА
ТЕРЯЕТ НЕВИННОСТЬ

ВЛИЯТЕЛЬНОЕ ФЕДЕРАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ добыло себе билетик на один «корабль современности» с такими персонажами, как певец Шнуров, писатель Сорокин, журналист Быков, политик Жириновский и грубиян Киркоров...

Президент Владимир Путин подписал указ «О проведении Года русского языка». «Чего ждать россиянам от наступившего лингвистического 2007-го?» – с пафосом вопрошала «Российская газета» 11 января. Ответ не замедлил. «Нам по...» – откровенно высказался «Коммерсантъ» в номере за 22 января. Без всякого многоточия. Высказался, конечно, не от собственного лица, а в виде прямой цитаты, лаконичного комментария главы «Проф-Медиа» Рафаэля Аكوпова относительно продажи акций ИД «Комсомольская правда». О чем был номер и собственно статья, большинством забыто, а вот «смелая» цитата активно обсуждается в Рунете и медиа-сообществе: «Непечатных слов больше нет? СМИ не стесняются ставить их без точек», «Журналистика потеряла невинность», «Похабщина укрепляет позиции» – пестрят мнения газет. В блогах народ более прагматичен: «Скорее всего, Аковов подаст на них в суд, будет разбирательство. И рейтинг – вверх. У обоих».

Мы уже привыкли к «ненормативу» по ТВ, хоть там его и стараются глушить «пищалками». Пресса тоже нередко дает волю чувствам. Но то, в основном, «бульварные» газеты. Случайное же появление нецензурщины в авторитетном и влиятельном федеральном издании, где каждое слово проходит несколько уровней проверки, вряд ли возможно. Чем бы ни закончилась эта история, прецедент создан. Тиражом в 120000 экземпляров русский мат потек по России и странам СНГ, во Францию и Германию. Там, на Западе, вряд ли сильно удивятся после знаменитого эфира, в котором вице-спикер Госдумы легко послал по матери американского президента. Лишний раз убедятся: русские не ругаются матом, а им разговаривают...

К бранной лексике лояльно современное искусство. Не отсюда ли ноги растут? Мат «легализуется» в экстремальной литературе, пьесах, спектаклях. Тексты современников пестрят словами, напоминающими математическое уравнение с тремя неизвестными. При этом модные режиссеры и писатели любят кивать в сторону клас-

Тиражом 120000 экземпляров мат потек по России

сиков: вон, мол, и Пушкин не прочь был... Однако эротические поэмы с налетом порнографии, которые Александр Сергеевич писал в юности, предназначались исключительно для узкого круга друзей-«арзамасцев» – Жуковского, Баратынского. И ни в коем случае – для публикации. Кстати, многое из того, что печатают сегодня под именем «А. С. Пушкин» весьма спорно с точки зрения авторства.

Да, есть печальная практика. Но ведь есть и закон «О государственном языке Российской Федерации», принятый в 2003-м и «официально» запретивший публичную брань. Или его тоже – по матери? Хотя нецензурные выражения в СМИ – большой вопрос этики, нежели закона. Ведь читатели – люди взрослые, для которых мат не новость и не открытие, а скорее повод посчитать себя оскорбленными. Так что речевой этикет журналиста – сфера редакционной политики.

На листок с текстом из «Коммерсанта» журналисты «ММ» реагировали по-разному. «А я думала, это пишется раздельно», – серьезно заметила коллега. Выяснилось, что отношение к прецеденту в журналистской среде – неоднозначное.

– Это, конечно, слишком, – Станислав РУХМАЛЕВ отодвинул от себя текст, едва наткнувшись на выделенную оранжевым цветом фразу.

Сей журналистский факт он, член-корреспондент Российской академии литературы, прокомментировал так:

– Честно говоря, я шокирован. Газету «Коммерсантъ» ценю и уважаю, считаю ее одним из лучших деловых, аналитических изданий. Она не принадлежит к разряду так называемой желтой прессы, в которой ненормативная лексика стала нормой. Не понимаю, почему на это пошла редакция и сам журналист. Как пласт языка мат может быть интересен. Некоторые интеллигенты, действительно, умеют красиво завернуть крепкое слово. Но во всем нужно чувство меры и уместности. Хочется расценивать это как недоразумение.

Член Союза писателей России Александр ПАВЛОВ вздохнул, дав понять, что для него подобные опысы – не новость:

– С тех пор как был упразднен институт литературно-художественной цензуры, почilo в бозе и искусство редактур. Но остались элементарные этические нормы, которые не допускают стилистического вандализма. В данном случае употребление мата – прямая провокация, разрешающий сигнал для молодых читателей. На мой взгляд, «фривольности» журналистов опасны и имеют далеко идущие последствия. Лишишь народа языка – и народа не будет. Редактор, который не может поставить этический фильтр, недостойн своего звания. Он примитивен, потому что плывет по волнам превратно понятой «демократии».

Обозревателю «ММ» Ирина КОРОТКИХ напомнила, что одна из функций СМИ – формирование общественного сознания.

– Каким оно будет, если журналис-

ты воздействуют на массы посредством печати непечатных выражений? – сказала она и тут же взглянула на ситуацию с другой стороны. – Однако нельзя винить лишь журналиста. Именно оттого, что в российской журналистике сильны традиции редактирования, респонденты позволяют себе вольности и безответственность. Почему вдруг журналист должен делать речь каждого, кто дает интервью, грамотной и гармоничной? Брать на себя работу стилиста и имиджмейкера? Глава «Проф-Медиа», наверное, знал, что не с бабушкой на лавочке разговаривает, и должен был следить за языком. На Западе журналисты давно отказались от порочной практики делать из дурака умницу. И, считаю, правильно поступили.

– Мы недавно в номер дали статью под заголовком «Хватит базарить». Очень долго взвешивали свое решение и пришли к выводу, что фраза разговорная, но не бранная. Крепкое слово может быть художественно оправданным, но должна быть мера, – включилась в обсуждение главный редактор газеты «Магнитогорский рабочий» Жанна ИЛЛАРИОНОВА. – Думаю, что в данном случае «Коммерсантъ» пытается заигрывать с молодой аудиторией. Не красиво. Подхватывать эту практику однозначно нельзя.

Заведующая кафедрой журналистики и речевой коммуникации МаГУ Вера СЕННИКОВА отнесла случай «Коммерсанта» к тенденциям:

– Андрей Караулов в своей передаче показывал постановку многоуважаемого Олега Табакова на сцене МХАТа. Слышно было лишь «пи-пи-пи». Опасность в том, что публичное употребление инвективной лексики становится модным в культурной среде. Сначала молодая интеллигенция «нововведений» как будто не замечала, потом была к ним снисходительна, а теперь и сама пристрастилась к позорным словам. Сквернословие применяется нарочито, из ложно понимаемого чувства «демократизма». Вместо того чтобы противостоять безграмотности, так называемая элита бравирует умением выразиться нецензурно. А со стороны «Коммерсанта» мне видится отсутствие корпоративной этики, желание унижить своего же коллегу, который был, видимо, растерян. Нецензурная брань с его стороны – попытка защититься, скрыть свое бессилие. На чужих костях уважения не заработаешь. Такие «приемы» чести изданию не делают.

ЮЛИЯ СЧАСТЛИЦЕВА.

Изошренное издевательство

НАКИПЕЛО

ЧТОБЫ ЖИЗНЬ не казалась магнитогорцам скучной и монотонной, разнообразие в нее время от времени вносит ОАО «Уралсвязьинформ».

Вот и мне как-то вечером 8 декабря поступил звонок. Беспристрастный голос автоответчика сообщил, что я не оплатила услуги связи со всеми вытекающими отсюда последствиями... Позвольте, руководители и специалисты ведомства, но ведь вы сами разработали удобную для вас форму квитанции на оплату услуг, которую доставляют нам в определенный срок и в которой четко указано, что произвести оплату необходимо до 28-го числа текущего меся-

ца. Причем до тех пор, пока самой квитанции на руках у нас нет (а приносят ее обычно числа 15–20-го), платеж у меня никто не примет. В тот раз произошло именно так: квитанция я еще получить не успела да и до 28 декабря времени оставалось предостаточно.

Однако, как оказалось, это были лишь «цветочки», потому что на днях, 22 января, успев оплатить очередной счет, я вновь услышала в трубке все тот же ровный голос, сообщивший мне на этот раз о том, что... я не оплатила услуги связи со всеми вытекающими отсюда последствиями... Что это? Изошренное издевательство над абонентами или издержки «профилактической» работы на местах?

И еще один немаловажный вопрос к связистам: почему, если я, получив квитанцию, оплачиваю фактически предоставленные услуги и

не вношу платеж авансом за следующий месяц, операторы требуют обязательно поставить в квитанции подпись под отказом платить за то, чем я еще не успела воспользоваться? А если квитанция не моя, а моей соседки, которая по дружбе попросила оплатить счет за нее? Какова правовая основа подобных «нововведений»?

А вообще, все это говорит о пренебрежительном отношении магнитогорских связистов к нам, владельцам домашних телефонов. Их удивительная изобретательность по части игры на нервах потребителя достойна занесения в Книгу рекордов Гиннеса. Очень хочется верить, однако, что руководство ОАО «Уралсвязьинформ» сделает в наступившем году правильные выводы и прекратит выводить из себя всех нас необоснованными претензиями и звонками.

НИНА ЗВЕЗДИНА.